

ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЧЕВОГО АКТА ОСКОРБЛЕНИЯ

А.А. Лавицкий
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Долгое время в юридической практике оставался открытым вопрос о статусе лингвистики в процессе судопроизводства, куда наука о языке в прикладном применении проникла как экспертная составляющая оценки информации на предмет содержания клеветы, оскорбления, угрозы и т.д. Это обусловило стремительное развитие нового направления – юрислингвистики, а точнее, ее подотрасли – лингвистической экспертологии, что во многом было обусловлено объективными потребностями в проведении соответствующих специальных исследований в практике возбуждения и производства административных и уголовных дел. Однако, невзирая на то, что сегодня в Беларуси накоплен определенный опыт такого рода экспертной работы, следует согласиться с мнением К.И. Бринева, отмечающего неготовность теоретической базы лингвистики [1, с. 15], а тем более и правоведения к решению поставленных прикладных задач. Такое положение дел, безусловно, актуализирует цель нашего исследования – установить критерии, определяющие содержание речевого высказывания как оскорбление.

Материал и методы. Материалом исследования послужили статьи Кодекса Республики Беларусь об Административных Правонарушениях (статья 9.3) и Уголовного кодекса Республики Беларусь (статья 189). Теоретическую базу исследования составили работы А.Н. Баранова, К.И. Бринева, М.А. Осадчего и др. В методологическую составляющую работы с фактическим материалом вошли метод параметрического моделирования и сравнительно-сопоставительного анализа.

Результаты и их обсуждение. Очевидно, что основная проблема при экспертном анализе речевого высказывания на наличие имплицитно или эксплицитно выраженного оскорбления лежит в плоскости понимания содержания указанных выше административной и уголовной статей: «Оскорбление – умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме». Таким образом, выбранный нами в качестве ведущего, метод параметрического моделирования позволят квалифицировать оскорбление как речевой акт, реализованный при выполнении двух равнозначных для содержания речевого высказывания условий: 1) оно унижает честь и достоинство личности (не обязательно адресата); 2) оно содержит неприличную языковую форму (не обязательно графическую или звуковую).

Данные в скобках примечания имеют важное пояснительное значение, так как показывают, что представляемое для специального лингвистического исследования речевое высказывание может касаться не только коммуникантов, но и третьих лиц, а также выступать в невербальной форме.

Практика подготовки экспертных заключений показывает, что оба параметра находят отражение в вопросах, которые обычно ставятся перед специалистом: 1) *содержат ли фраза негативную информацию (сведения) в форме утверждения о факт(е)ах?* и 2) *содержат ли указанная фраза неприличную форму речевого выражения?*

Учитывая такую многоплановость рассматриваемой проблематики, ее значимость, а также объем результатов проведенного исследования, остановимся на изучении только первого аспекта заявленной проблематики. Так, понимание «негативной информации», как правило, рассматривается в призме интерпретации представленных в лексико-графических источниках семантических лексем-синонимов прилагательного «негативный» – дурной, нехороший, неблагоприятный, погромный, нелестный, критический, неодобрительный, отрицательный, уничтожающий, ругательный, не содержащий ничего положительного, плохой по своим качествам, вызывающий неодобрение, достойный порицания и др. Таким образом, с позиции юридического дискурса негативную информацию можно трактовать как выраженные при помощи языковых средств сведения о плохих свойствах, действиях человека, которые противоречат представлениям о нормах (правовых, морально-этических, социальных и др.).

Такое понимание негативной информации схоже с используемым в судебной практике термином «порочащие сведения», под которыми согласно Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации» от 23 декабря 1999 г. № 15 понимаются «такие не соответ-

ствующие действительности сведения, которые умаляют честь, достоинство или деловую репутацию гражданина либо деловую репутацию юридического лица в общественном мнении или мнении отдельных граждан, юридических лиц с точки зрения соблюдения законов, норм морали, обычаев (например, сведения о нечестности, невыполнении профессионального долга, недостойном поведении в трудовом коллективе, семье, сведения, порочащие производственно-хозяйственную и общественную деятельность, и т.п.)»).

Однако внешне довольно ясные общие интенции, как лингвистического понимания термина негативной информации, так и его юридической интерпретации, вызывают один немаловажный вопрос, касающийся категорий морали и нравственности. Обе, несомненно, имеют, во-первых, философскую основу, во-вторых, динамичны и социально, исторически, демографически и т.д. обусловлены, а в-третьих, не обременены особым правовым статусом, за редким исключением (Кодексы чести, Правила внутреннего распорядка и др.). Так, например, определенную сложность при подготовке экспертного заключения составляют анализ слов и выражений, характеризующих умственные способности личности (балбес, олух, глупец). Можно ли в данном случае говорить о серьезной негативной составляющей лексического значения, учитывая тот факт, что способности и возможности нервно-мозговой деятельности не являются категорией абсолютной в измеримом масштабе: человека с IQ равным 120 пунктам (считается показателем выше среднего) можно назвать глупцом, сравнивая с человеком, имеющим IQ 130 пунктов? Кроме того, в отдельных лексикографических источниках в качестве вариативных значений таких лексем закреплено их ироничное или шутливое значение. В этом случае много зависит от контекстуальных обстоятельств реализации речевого акта, а отчасти, и собственного мнения эксперта. В практике нашей экспертной деятельности был случай, когда оценке на наличие негативной информации представлялись сведения о нетрадиционной сексуальной ориентации человека. Но, несмотря на само название («нетрадиционная»), сегодня в правовом поле нашего государства нет прямого запрета на однополые отношения, в том числе и интимного характера. Не существует строгих правил и норм, характеризующих и морально-этическую сторону такого рода отношений. Разумеется, отчасти решение обозначенных проблем входит в компетенцию лингвоаксиологии, однако, считать данное направление панацей пока не приходится.

Заключение. Подытоживая, следует отметить, что современная лингвистическая экспертиза накопила достаточно богатый опыт работы различного рода исследований, в том числе, и в области такого административного и уголовного понятия, как «оскорбление личности». Однако, несмотря на имеющиеся прецеденты и многочисленные экспертные заключения, современная теория языка, а также действующее нормативно-правовое регулированное в данной сфере далеко не совершенны, так как часто апеллируют философскими категориями морали и нравственности. Обе достаточно сложно определяются и не имеют четких рамок и границ в правовом поле, а их юридический статус определяется немногочисленными локальными нормативными актами, чаще корпоративного характера.

1. Бринев, К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : монография / К.И. Бринев ; под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул : АлтГПА, 2009. – 252 с.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ГРАЖДАНАМИ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ В ОБЛАСТИ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

*Т.В. Лобацкая
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Актуальность обусловлена тем, что одним из основополагающих социально-экономических прав граждан, признанных на конституционном уровне, является право на социальное обеспечение в старости, в случае болезни, инвалидности, утраты трудоспособности и потери кормильца.

Согласно ст. 4 закона Республики Беларусь от 17.04.1992 N 1596-ХП «О пенсионном обеспечении» (далее – Закон о) в Республике Беларусь назначаются 1) трудовые пенсии: по возрасту; по инвалидности; по случаю потери кормильца; за выслугу лет; за особые заслуги перед республикой. 2) социальные пенсии.